

Та маленькая цитра, которую она однажды выкопала из развалин на поле боя, издавала глухие звуки, но в них была нотка, напоминающая хриплый голос хозяина после выпивки. А когда хозяин пил, он позволял ей носиться по лесу, а сам безумно бродил среди деревьев, ударяя в цитру и танцуя с мечом. Глухие звуки цитры и небрежные движения танца заставляли их обоих забыть о всех мирских распрях и одиночестве, и в этот момент они просто наслаждались свободой и радостью друг друга.

Смотря с тоской на четыре инструмента, её взгляд медленно перешёл на лицо Цин Цю, но вскоре тоска сменилась гневом, разочарованием и, наконец, отчаянием. Затем она развернулась и медленно направилась к камню с надписью «Море Невозврата». Вскочив на него, она подняла голову, глядя в бескрайнее небо. Неизвестно, было ли это кровью солдат или странным явлением Шучжуна, но небо, которое должно было быть чистым и белым, теперь наполовину окрасилось в кроваво-красный цвет, отражаясь в её глазах, создавая великолепное и ослепительное зрелище, похожее на закат, который внезапно заставил время замереть.

— Беда! — Лу Сяофэн снова оттолкнул Чжун Иньяна, который цеплялся за него, и, увидев эту сцену, почувствовал тревогу.

В этот момент люди Син Чаоэня уже начали атаку, и на вершине горы начался хаос.

— Что она собирается сделать? — Хуа Маньлоу ударил веером по запястью Линлан, заставив её отступить.

Она всё ещё была полна ненависти, пока Лу Сяофэн не ударил её галькой, парализовав. Заметив странную атмосферу, Хуа Маньлоу тоже посмотрел в сторону камня Невозврата.

— Чик-чирик! — Чёрный Круг, которого Лу Сяофэн оставил в углу, внезапно подбежал к ним и, стоя перед Седьмым Генералом, начал тревожно чирикать, уже не проявляя безразличия, как раньше.

Седьмой Генерал, услышав его крики, повернул голову, казалось, немного колеблясь, затем спрыгнул с камня, подошёл и наклонился, чтобы коснуться головой Чёрного Круга. Чёрный Круг пытался обнять его шею передними лапами, но был слишком мал и не мог дотянуться, что вызывало у него беспокойство. Седьмой Генерал не утешал его, а просто взял его в пасть, посмотрел на Лу Сяофэна, затем на Хуа Маньлоу, издав несколько звуков, словно давая наставления, и положил Чёрного Круга у их ног, после чего снова вернулся на камень.

— Уговорить её невозможно! — Лу Сяофэн взял Чёрного Круга на руки и передал его Хуа Маньлоу, затем бросился к краю горы, используя внутреннюю энергию, и закричал вниз:

— Син Чаоэнь, слушай мою команду, немедленно веди людей вверх по горе...

Он ещё не закончил, как раздался ещё более громкий рёв зверя, заглушивший его голос, и вся гора задрожала. Солдаты начали падать, не в силах удержаться на ногах.

— Подожди! — Лу Сяофэн обернулся и закричал Седьмому Генералу, надеясь выиграть время, чтобы избежать ещё больших жертв.

Но, как он и говорил ранее, это было бесполезно.

Казалось, зная, что тот человек, который обещал стать её королём на поле боя, больше не вернётся, этот одинокий зверь, всю жизнь знавший лишь мгновение тепла, теперь не мог найти ни капли смысла в жизни. Она подняла голову и издала рёв, который потряс небо и землю,

полный скорби и тоски, словно желая, чтобы этот звук, наполненный воспоминаниями и печалью, достиг небес и проник в преисподнюю, передаваясь душе, которая больше никогда не вернётся.

С её последним криком гора, которая сдерживала дух её хозяина и которую она охраняла в одиночестве двести лет, обрушилась. Трещины раскрыли кроваво-красные камни под землёй, создавая жуткую картину, а обвалившиеся камни погребли под собой солдат, которые в панике пытались бежать. Крики боли и ужаса наполнили воздух, превратив всё в настоящий ад. Препрежне Бамбуковое море тоже было погребено, оставив после себя лишь пустынный и разрушенный пейзаж. Раньше, когда бамбук исчезал, цветы расцветали, и через несколько десятилетий всё могло восстановиться, но теперь, погребённое под камнями, оно, возможно, никогда не вернётся к своей былой красоте.

Лу Сяофэн взял Хуа Маньлоу под руку, предупредив его быть осторожным с ногами. В этот момент все слова были бы заглушены оглушительным рёвом, и лучше было просто молча наблюдать за этим разрушением.

Кровь начала течь из пасти Седьмого Генерала, окрашивая красные перья, а его рёв постепенно стихал, словно он достиг конца своего пути.

Когда гора продолжала рушиться, Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу, Цин Цю и другие тоже не могли устоять на ногах и начали отступать, по пути спасая одного или двух солдат, не обращая внимания, были ли они из императорской армии или мятежниками, — спасали всех, кто мог выжить.

Когда они наконец спустились на землю, они оказались почти у палаток за пределами бывшего Бамбукового моря, что показывало, насколько высокой была гора и насколько полным было её разрушение.

Чёрный Круг в руках Хуа Маньлоу всё ещё чирикал и пытался вырваться, стремясь вернуться на гору. Хуа Маньлоу крепко держал его, и они с Лу Сяофэном смотрели на гору, где последний крик зверя разносился над руинами, а фигура Седьмого Генерала медленно исчезала в глубине гор за этой скалой. Его силуэт всё ещё был высоким и прямым, шаги твёрдыми и уверенными, но в них была печальная решимость и отчаяние.

Раз уж в этом мире она больше не могла ждать своего хозяина, то лучше отправиться в преисподнюю, чтобы найти его.

Когда её фигура исчезла в гуще гор, Чёрный Круг тоже успокоился, словно его прежняя тревога и беспокойство были непонятны. Теперь он лежал на плече Хуа Маньлоу, склонив голову и вращая глазами, думая: «Кто это был, почему он хотел, чтобы его обняли?»

— Похоже, он с детства не жил с родителями, — Лу Сяофэн погладил Чёрного Круга и вздохнул. — Интересно, каким он вырастет?

Возможно, однажды он станет таким же одиноким королём, как его отец?

— Я бы хотел, чтобы он жил простой жизнью, — Хуа Маньлоу не согласился.

— Верно, — Юй Си, лицо которого всё ещё было покрыто пудрой, подошёл, выглядя бледным. — Гибридные животные обычно вырастают маленькими и не могут иметь потомства. Посмотри на этого Чёрного Круга, он совсем не похож на своего отца, вряд ли он станет таким же могущественным.

Как будто в подтверждение их слов, Чёрный Круг начал умываться, как кошка, занятый и довольный.

— Не факт, — Лу Сяофэн улыбнулся, и хвост Кольца Феникса коснулся лапы Чёрного Круга.

Тот слегка оскалился и продолжил умываться.

Симэнь Чуйсюэ, который ещё не успел подняться на гору, снова спустился, спасая многих, но потери были огромны. Теперь он помогал Син Чаоэню искать солдат, заваленных под обломками, и, увидев, что они разговаривают, бросил камень, заставив всех троих обернуться.

Они увидели, что не только солдаты Син Чаоэня, но и большинство противников были погребены под обломками. Теперь с обеих сторон осталось лишь около сотни человек, и все они были ранены, что создавало атмосферу общего страдания. За Цин Цю стоял Чжун Иньян, избитый Лу Сяофэном, а рядом Линлун держала Линлан с разбитым лбом. Лу Сяофэн с тревогой отметил, что человек в сером халате куда-то исчез.

— Господин Цин, снова видимся, — Лу Сяофэн подошёл.

Цин Цю, казалось, всё ещё не мог оправиться от шока. Много лет он следовал заветам предков, ожидая момента, когда сможет вернуть Седьмого Генерала и начать последнюю битву, чтобы завершить дело, на которое ушли поколения усилий. Победа принесла бы славу, поражение — смерть. Но теперь Седьмой Генерал вернулся, битва началась, и в одно мгновение все победы и поражения были погребены под горой, словно горсть пыли, задувшая только что зажжённый огонь, оставив его без малейшей надежды на возрождение.

Услышав слова Лу Сяофэна, он, казалось, долго не мог понять их, а его подчинённые, пережившие катастрофу, тоже выглядели ошеломлёнными. Солдаты, которые только что сражались в бою, теперь были погребены под камнями.

— Этот сон наяву, вы уже проснулись? — Лу Сяофэн, внимательно наблюдая за выражением лица Цин Цю, постепенно потерял улыбку и холодно произнёс.

Цин Цю вздрогнул, словно его кашель снова усилился, и он, держась за грудь, начал сильно кашлять. Его бледное лицо стало красным, что ещё больше подчёркивало отчаяние и страх в его глазах. Чжун Иньян подошёл поддержать его, но его лицо тоже было мрачным, хотя он всё ещё не сдавался:

— Старший брат, мы не можем сдаваться, даже если придётся умереть, мы должны выполнить завет князя Юнлю, и тогда, встретив предков в преисподней, мы не будем испытывать стыда!

Казалось, слова Чжун Иньяна тронули его, и в потухшем взгляде Цин Цю загорелась искра.

|